УДК [81'42:82-343]:791
ББК 81.055
С 13

Савчук И.П.
Российский университет дружбы народов, г. Москва, Россия, uruna_cabchuk@mail.ru

Карабулатова И.С.
Российский университет дружбы народов, г. Москва, Россия, radogost2000@mail.ru

Мифолингвистическая интерпретация сакрального геополитонима *Сибирь* как «окно овертона» в военном кинодискурсе

(Рецензирована)

Аннотация.
Рассматривается «окно Овертона» в аспекте формирования позитивного мифа о Сибири и сибиряках в кинематографическом дискурсе о Второй мировой войне через реализацию вариативной мифологемы «человек Сибири». Прослеживаются основные тенденции конструирования мифологизированного образа Сибири и сибиряков/ сибирских народов в событиях Второй мировой войны с учетом психологических особенностей и их самобытных черт в военной ретроспективе. Впервые вводится понятие сакрального геополитонима на примере топонима *Сибирь*. Этот сакральный геополитоним реализуется через презентацию комплекса этих мифологем посредством визуального контента, который четко определяет стратегию автоматизации выработки реакций аудитории на конкретное кинематографическое поликодовое произведение, включающее в себя вербально-паравербальный комплекс мифологем «Сибирь – родина мифических/ полумифических героев», «Сибирь – родина необыкновенных народов». Актуальность обусловлена важным геополитическим и стратегическим значением региона в мировой цивилизации и попытками конструирования разнообразных мифов о Сибири и сибиряках в различных типах дискурса.

Ключевые слова:
вторая мировая война; кинодискурс; коренные народы Сибири; сибиряки; мифологема; сакральный геополитоним; «окно Овертона», мифолингвистика

Savchuk I.P.
Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia; Yugra State University, Khanty-Mansiysk, Russia, uruna_cabchuk@mail.ru

Karabulatova I.S.
Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia, radogost2000@mail.ru

Mytholinguistic interpretation of sacred geopolitonym *Siberia* as the "Overton window" in the military cinematographic discourse

Abstract.

The authors consider the "Overton window" in the aspect of the formation of a positive myth about Siberia and Siberians in the cinematic discourse about the Second World War. The article analyzes the main mythologemes "the man of the North and Siberia", implemented in the cinematic military discourse. According to the authors, these images not only give an idea of the participation of various northern peoples in World War II, but also form a positive attitude towards a person from the Siberian North. The article traces the main trends in the design of the image, the level of relevance of the topic of the participation of northern peoples in the events of the Second World War. It also examines the psychological characteristics and distinctive features of the northern peoples in a military retrospective. The key point in the study is the representation of the mythologeme "a man of the North" in the military cinematic discourse through visual content, which clearly defines the strategy for automating the development of public reactions to a particular cinematic polycode work, including the verbal-paraverbal complex of the Siberia mythologeme. The relevance of the article is due to the important geopolitical and strategic importance in world civilization and attempts to construct myths about Siberia and Siberians in various types of discourse.

Keywords:

World War II, cinematic discourse, indigenous peoples of the North, Siberians, mythologeme, sacred geopolitonym; "Overton window", mytholinguistics

Мифолингвистическая интерпретация сакрального геополитонима *Сибирь* в кинематографе напрямую связана с обращением к теме Великой Отечественной войны, военным действиям в современном кино. Мифологемы Сибири в языковом сознании современного носителя языка разных стран и континентов, подчеркивают сакральность этого геополитонима, поскольку сакральный геополитоним *Сибирь* в кинодискурсе становится катализатором, выявляющим особенности психологии человека, его характера на фоне экспрессивных социально-политических событий, а трагизм войны обнажает глубину человеческой натуры, являясь основой для создания многочисленных и разнообразных художественных произведений. Сакральность актуализируется также посредством усиления мифолого-сказочных черт как самого региона, так и представителя этого региона в разных типах дискурса. Исследование является оригинальной, дескриптивной, эмпирической работой, которая впервые рассматривает проблему отображения мифологемы «Сибирь – родина мифических/ полумифических героев» в современном кинодискурсе о Второй мировой войне. Изучая современный кинематограф, авторы ставят цель проследить стратегии сакральной мифологизации геополитонима *Сибирь* в кинодискурсе.

Кинематограф с момента своего существования являлся орудием пропаганды, оказывающим мощное воздействие на умонастроения народов, населяющих просторы Советского Союза, а теперь России. И сейчас он с успехом продолжает использовать ранее разработанные принципы идеологических и информационных войн. Важная его роль в области пропаганды обусловлена его киноэстетикой, которая создается посредством эмоционально-образной картины того или иного события, рассчитанной на массового реципиента.

В.И. Чурокаева в связи с этим вводит в научный оборот термин «кинематографический дискурс», под которым понимает некую совокупность аудиовизуальных компонентов и текста [1]. Вместе с тем ученые уже рассматривали некоторые параметры кинематографического дискурса ранее [2; 3]. Поликомпонентный и сложноорганизованный

характер кинематографического дискурса как таковой привлекает внимание исследователей ввиду своей гипертекстуальности и широкого интерпретативного поля прямых и переносных значений [4; 5; 6; 7; 8; 10]. Известные точки зрения в той или иной степени продолжают мысль А. Н. Зарецкой о кинодискурсе как сложноорганизованном целом, в котором всё подчинено замыслу авторского коллектива: сценаристу, режиссеру, директору картины, продюсеру и актерской группе, – с упором на текстовую составляющую [8].

Вместе с тем поликомпонентная иерархически выверенная семиотическая структура кинодискурса о Второй мировой войне сопряжена с хронотопом отражаемых событий (период 1939-1945), локусами действия (территория, на которой происходили военные действия: Европейская часть СССР, Восточная и Западная Европа, северные территории СССР, а также территории, граничащие с США на Дальнем Востоке), особенностями языков того времени (языки малых народов Сибири, русский, немецкий, украинский, американский английский и т.д.) и соответствующих этнокультур. Иными словами, вербальный компонент кинодискурса поддерживается паравербальными факторами, относящимися к экстралингвистической сфере, среди которых центральное место занимают фактологический и культурно-исторический контекст.

К сожалению, картины об Отечественной и Второй мировой войне последних десятилетий демонстрируют в лучшем случае некоторое подобие рефлексии в отношении нее. В этой связи особый интерес вызывает вопрос о воссоздании образов территорий, тех или иных народов, участвовавших в этих глобальных столкновениях, как неких мифологем, конструирующих современное языковое сознание в отношении народов России и не только. Сакрализация геополитонима *Сибирь* формируется за счет эксплуатации устойчивых мифологем и их переосмысления мифологизированным сознанием современного человека. Ситуация постправды современного социума позволяет «жонглировать» вербально-паравербальными компонентами мифологем для усиления воздействия на аудиторию.

На сегодняшний день участие в мировом катаклизме народов Сибири является одной из малоизученных тем в истории, хотя они принимали активное участие на всех участках фронтов, выполняя сложные задания, обеспечивая победу СССР над фашистской Германией и ее сателлитами.

Материалом данного исследования послужили современные русскоязычные художественные кинофильмы о Великой Отечественной войне / Второй мировой войне, в которых использовался образ человека -представителя народов Сибири. Критериями для включения в аналитическую выборку стали следующие параметры: 1) современная дата выпуска кинофильма (2002-2020 гг.); 2) популярность; 3) нацеленность на широкую аудиторию; 4) время действия событий в кинофильме; 5) включенность представителей малых народов Сибири в список героев фильма.

Материал для написания данной статьи был получен благодаря анализу таких художественных фильмов, как «Кукушка» (2002), «Свои» (2004), «Полумгла» (2005), «Перегон» (2006), «Пламя и Цитрон» (2008), «Снайпер Саха» (2010), «Снайпер-2. Тунгус» (2012), «Снайпер: Последний выстрел» (2015), «Северная кавалерия» (2017), «Топор», 2018), «Жить сначала» (2009, реж. В. Бутурлин) и др.

Методология обычна для такого рода исследований и представлена такими видами анализа: 1) критический; 2) семиотический; 4) лингвопрагматический; 5) контекстуальный; 6) мифолингвистический;

7) описательный; 8) интерпретативный. Сам кинодискурс открывает большие возможности для применения анализатора искусственного интеллекта именно в виду своей гипертекстуальности.

В мировом кинематографе образы народов – участников Второй мировой войны получили неоднократное изображение. Особенность любого образа в кинематографе заключается в том, что создатель кинодискурса оперирует мифологемами как давно известными в обществе, так и собственно авторскими. Реципиент воспринимает с экрана предельную реальность и предельную иллюзию, что вызывает в нем чувства, которые не может дать ни один другой вид искусства [9].

Наш мозг обладает эволюционно сформировавшейся «привычкой» к обработке отдельных знаков, звуков и звукосочетаний, букв и текстов в зависимости от их встречаемости в человеческой практике общения, поэтому создатели кинодискурса конструируют реальность, исходя из собственных фоновых знаний и принципов организации пространства.

Военный кинодискурс четко демонстрирует дихотомию «свой – чужой», при этом позитивный идеальный образ «своего» доминирует над негативно гиперболизированным образом «чужого», транслируя необходимость в социокультурной дистанции. Метафоричность образа врага строится на сочетании официально-книжного языка и обыденной, понятной манеры обличения. Само ранжирование в рамках этого противопоставления вполне укладывается в измерение тональности негатив/ нейтрально/ негатив [3].

Если ранее тема Сибири раскрывалась в плане становления Советской власти, строительства и освоения залежных земель, то сейчас кинематографисты XXI в. обращают внимание на психологические черты и ментальность коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в военной ретроспективе. Так, боевые действия Второй мировой войны, разворачивающиеся на Крайнем Севере, отражены в таких картинах, как «Кукушка» (2002, реж. А. Рогожкин), «Свои» (2004, реж. Д. Месхиев), «Полумгла» (2005, реж. А. Антонов), на Дальнем Востоке – «Перегон» (2006, реж. А. Рогожкин). Одномоментно появляются фильмы о людях, чья жизнь связана с Сибирью – «Снайпер 2. Тунгус» (2012, реж. О. Фесенко), либо чью жизнь кардинально изменила Сибирь – «Жить сначала» (2009, реж. В. Бутурлин), «Топор» (2018, реж. В. Семеновых) и др. В этих и других кинокартинах человек Сибири предстает как носитель сакрального знания, человек мира природы в противовес механистичному человеку индустриального социума. Например, кинофильм Д. Месхиева «Свои» (2004) ценен тем, что является попыткой понять поведение человека в сложнейшей запутанной ситуации окружения, плена и оккупации. Авторы фильма не навешивают ярлыков на представителей того или иного народа, а демонстрируют истинную ценность каждого человека. В сериале «Жить сначала» режиссера В. Бутурлина акцент на судьбе девушки-оперной певицы, которая прошла через чистилище колоний Сибири, актуализируя мифологему «Сибирь как пространство Вечного холода», «Сибирь – пространство чистилища, пространство Ада» и т. п.

Именно об этом, о «сбережении народа», говорил непонятый и нелюбимый многими А. И. Солженицын [10]. Впрочем, дело не в великих именах, а в том, что национальная идея в современном киноматографическом дискурсе состоит в принятии устремлений всех людей, которые являются частью этого мира, страны.

Современный кинодискурс игнорирует тему угрозы исчезновения ряда народностей и этнокультурных групп, которые проживали

в Советском Союзе. Война со своей мобилизацией, а также геноцид привели к резкому сокращению их численности, формируя феномен этнотравмы и вьетнамский синдром. На первый взгляд кажется, что фильмы, в которых есть представители сибирских народов, участвовавшие в войне, наполнены тяготами выживания в непростых условиях. Но если мы заглянем вглубь, то обнаружим истории любви офицера-НКВДэшника и зэчки, бывшего смотрителя маяка или непростой путь сибиряка-отшельника в военные окопы, фильмы, в которых сердца героев заполнены идеями советской идеологии, перемешанными с традиционными народными верованиями и воззрениями на мир.

Кроме того, наблюдается неразграничение северных и сибирских народов, что отражает современный социостереотип: Сибирь = Север, - который, в свою очередь, восходит к мифологеме «Сибирь – северное царство вечного холода». Как таковых отдельных художественных фильмов о северных и/или сибирских народах представлено малое количество, хотя в документалистике их охват шире, ибо документы нацелены на то, чтобы проследить судьбу и образ человека Сибири. Например, активно снимает такого рода фильмы молодая национальная киношкола «Сахафильм».

Этнографическая задача современного кинодискурса – репрезентировать через медиасредства характер, психологический портрет представителя сибирских народов. Этот факт является отличительным признаком современного кинематографа, поскольку в советском кинематографическом дискурсе в контексте Второй мировой войны/ Великой Отечественной войны был показан «единый советский народ» в лице отдельных его представителей, которые практически не отличались друг от друга по своей ментальности. Отголоском этого неразличения является то, что в ряде художественных фильмов о ВОВ смешиваются черты этнокультуры, ментальности разных малых народов Сибири и Крайнего Севера. Так, режиссеры и сценаристы не различают тунгусов, эвенков, коряков, ханты, манси, ненцев, чукчей, эскимосов, поэтому в российском кинематографе мы зачастую видим собирательный образ коренного представителя Сибири. Он в какой-то степени перекликается с уже апробированным образом в кино нанайского охотника Дерсу Узала по мотивам произведений В. К. Арсентьева и был воплощен Акиро Куросавой в 1975 г. Куросава создал мифологему о коренном жителе Дальнего Востока, схожего с Сибирью, как бы насквозь пропитанного духом леса и моря. В этом плане показателен фильм «Топор» (2018) о белогвардейском казачьем офицере, скрывавшемся в сибирских лесах и промышлявшем охотой, который отправляется воевать за родную землю во время войны с немецким фашизмом. Лента показывает очистительное воздействие природы, сибирской тайги на душу героя. Главный герой, как и другие герои сибиряки, немногословен, но точно примечает все нюансы окружающего мира. Он следопыт, он часть этого мира природы, а потому живет в гармонии с собой и тайгой, становясь таким же человеком природы, как и представители других сибирских народов. Он мастерски владеет топором, поэтому образ восходит к архетипическому образу древнего славянского воина-защитника. «Окно Овертона» срабатывает в смещении вектора с негатива на позитив в отношении казачества, которое, как известно, не воспринимало советскую власть, демонстрируя ярко выраженное отрицательное отношение к советским реалиям. Здесь мы видим положительный образ бывшего белого офицера Ивана Родина, который встает на защиту Отечества, словно былинный герой. Такая параллель является новой для современного кинодискурса.

Документальный кинодискурс, реализуя мифологему «Сибирь – родина былинных героев, необычных судеб», повествует о народах Сибири в духе этнографических зарисовок и, как правило, освещает детали быта того или иного народа Сибири. Повествование ведется обычно народным языком (или стилизуется под народный язык), перетекая в отдельных эпизодах в живую народную речь, песню, почти частушку, если проводить аналогии с русским фольклором [11]. Зритель видит элементы традиционной жизни народа, его обряды и песнопения, в фокусе внимания кинематографистов и психологические особенности сибирского характера, что заставляет вспомнить слова Андрея Тарковского о том, что порой документальность в кино и есть настоящая поэзия. Перед зрителем выстраивается целая портретная галерея, и за каждым лицом стоит его индивидуальная история [5].

В фильме режиссера Никиты Аржакова «Снайпер Саха» (2010 г.) герой – представитель якутского народа, который, несмотря на кажущуюся жесткость, нарушает законы военного времени и сохраняет жизнь молодому немцу, гитлерюнгенду. Жизнь снайпера показана в двух реалиях – во время войны и в современной России. Стоит отметить, что образ и молодого снайпера, и старого охотника окутан таежной дымкой, герой раскрыт, но в то же время его глубокая сибирская натура так и остается не до конца разгаданной зрителем, что также актуализирует в перцепции аудитории мифологему «Сибирь – родина необыкновенных народов». Кинодискурс «Снайпер Саха» – это фильм, который демонстрирует мысль о том, что заканчивается безусловная враждебность, а история делает виток. Главным является переосмысление событий в контексте новой культуры взаимоотношений народов, ранее воевавших друг с другом.

Существенной чертой образа военного представителя народов Сибири в современном кинематографе являются его навыки таежного жителя, промышляющего охотой. Отсюда терпение и выдержка холодного человека Сибири.

В синопсисах художественных фильмов, где среди героев есть представитель народа Сибири, такой персонаж описывается следующими характеристиками: мудрый, немногословный, меткий стрелок, таежный охотник, владеющий стрелковым искусством, обаятельный, нестандартный, язычник или шаман и т. п. Вербальные ассоциаты перекликаются как со знанием самого субъекта/ объекта, так и дополнительной опосредованной семантической аурой [4].

Часть воинов из числа коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока не были осведомлены о строевой подготовке и о ведении войны в целом, слабы в политике. Стоит отметить, что на сегодняшний день до сих пор нет четкой атрибуции в определении коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока [12], что влечет за собой и смешение черт этих народов в кинодискурсе также. Такое же смешение мы видим и в представлении народов Кавказа в кинодискурсе, что отражает мифологемы о Кавказе [13]. Однако добровольцы из числа малых народов имели одно неоспоримое преимущество перед другими бойцами: они умели сливаться с природой и из десяти выстрелов как минимум девять раз попадали в глаз белке. Поэтому зачастую таким воинам разрешалось и внешне, и внутренне не соответствовать образу солдата. Например, таков образ знаменитого снайпера-нанайца Торима Бельды. Его внешний облик чисто «нанайский» – унты, шапка и полушубок из оленьих шкур.

Однако в современных реалиях образ народов тайги и тундры давно не является чем-то саркастическим.

Представители разных коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока – это уже не те анекдотичные типажи или персонажи второго плана. Чукчи, эвенки, тувинцы и другие народы Сибири в кинодискурсе представляются теперь людьми весьма умными и сообразительными, так как современный режиссер понимает: люди, слабые умом и духом, в суровых сибирских условиях не выживают. Теперь наряду с советским «русским» солдатом показана и значимая роль посланца Сибири, в первую очередь, патриота своего народа и государства.

Современная кинематографическая реальность раскрывается как организующий потенциал, при этом в художественном кинодискурсе трансформирующей силой модификации первичных паттернов выступают фоновые знания и компетентности в разных областях человеческого знания. При создании новой мифологемы «человек Сибири» в художественном кинодискурсе срабатывает положительное влияние «окна Овертона» [14]. Это происходит, поскольку информационно-ассоциативные поля: семантический ореол сибирских этнонимов, самой Сибири меняются в восприятии общества, и эти изменения неизбежно проявляются и в виде трансформаций в материальном плане. Так, Сибирь является не только географическим обозначением территории, но и сакральным местом – мистической Гипербореи, Ирия, непроявленным царством Беловодья, эзотерической Шамбалой. Сибирь воспринимается как место исполнения желаний, общения с духами, проявления особой духовной силы. Эти смыслы ассоциативного значения лексемы «Сибирь» полномасштабно используются в рекламном дискурсе [15]. Достаточно вспомнить паломничества китайцев для зачатия ребенка под северным сиянием, которое якобы наделит зачатого здесь младенца особой силой и счастьем [16].

Мифолингвистический аспект современного кинодискурса о Сибири в годы ВОВ с мифологемами «Сибирь – родина необыкновенных народов», «Сибирь – родина полумифических героев», «Сибирь – сакральный центр России» актуализирует разнообразные культурные мифологемы о народах Сибири с позитивной психоэмоциональной окраской в современном обществе. В итоге эти мифологемы прямо и косвенно влияют на бессознательное поведение реципиента, возникая на почве масс-культуры: в рекламе, в общественно-политической публицистике, в различных жанрах искусства [15; 16; 9].

В итоге персонажи современного кинематографического мифа становятся идолами масс-культуры, мемами. Они выхолащиваются из мира реальности, становясь персонажами виртуального мира, в котором имеют необыкновенные способности уровня «бог, божественный герой, реинкарнированный герой-защитник», усиливая мифологемы «Сибирь – родина необыкновенных народов», «Сибирь – родина полумифических героев», «Сибирь – сакральный центр России».

В этом плане показателен «Снайпер 2. Тунгус» (2012), который отсылает нас к популярному фильму «А зори здесь тихие». На популярность этого советского фильма указывает также и создание многосерийного ремейка уже в нулевые года, а также создание оперы на китайском языке по этому сюжету.

Современные режиссеры, показывая участие малых народов Сибири в войне, пытаются взять верную интонацию в изображении их отношения именно к войне как таковой. Однако зачастую современный кинореализм в этом контексте не достигает своих задач, что оказывает плохую службу в понимании войны молодым поколением. Между тем единственной возможностью серьезно «подойти» к достижению поставленной цели является попытка

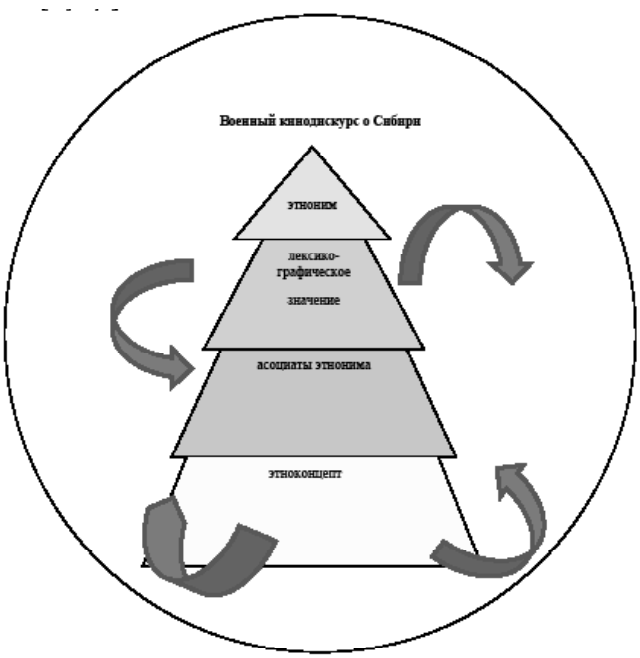

Схема. 1. Структура мифологемы «человек Сибири» в современном кинодискурсе

понять, чем же эта война является для нас сегодня?

Особый вклад в продвижении мифолингвистических подходов в концепты культуры внес Ролан Барт. По его мнению, ряд анонимно циркулирующих в обществе идеологем («демократия и равенство», «интересы Родины», «могущество нации», «сплоченность народа», «сила правительства» и проч.) прочно вошли в область бессознательного, проявляясь в повседневном общении и образе жизни людей – представителей разных народностей. Что касается западного кинематографа, то зачастую народами-победителями изображаются жители северных стран Европы, им приписывают подвиги, которые они не совершали, а роль СССР полностью игнорируется.

Сам по себе кинодискурс о человеке из сибирской глубинки, как и о Сибири в целом, становится некоей перемещенной мифологией нового времени, где переплетаются, образуя новые смыслы и акценты, простые универсальные формулы Добра и Зла, в связи с чем мы и определяем Сибирь как сакральный геополитоним.

Победа во Второй мировой войне ковалась силами всего Союза, и все события, даже негативные для того или иного народа, – это часть истории, которую невозможно скрыть, забыть или помнить только в контексте негативных последствий.

Миф о представителе Сибири как «естественном» «натуральном» человеке, человеке природы, во всем противоположном цивилизованному человеку в кинодискурсе о Великой Отечественной войне значительно сместил акценты, придав импульс к эволюции от старой мифологемы – к современной, которую еще предстоит изучить в полной мере. Но уже очевидно, что «дикарь» оказывается морально и физически выше врага, кичившегося своей цивилизованностью. Сибирь изображается как символ сакрального пространства, которое мы обозначаем как сакральный геополитоним, существенно формирующий мифологизированное сознание современного человека. Сам образ человека Сибири вырастает в символ личности, наделенной высшими способностями, связанной с некими неподвластными разуму силами. При этом часто представители народов Сибири предстают в

образе самых обычных людей, тех, у кого есть чувство долга, чувство патриотизма, запас храбрости и вера в то, что он делает.

Примечания:

1. Чурокаева В.И. Понятие о кинематографическом дискурсе // Современные проблемы и перспективные направления инновационного развития науки: сб. статей Междунар. науч.-практ. конф., 15 декабря 2016 г., г. Екатеринбург: в 8 ч. Ч. 6. Уфа: Аэтерна, 2016. С. 200-202.

2. Колесникова А.Г. Формирование и эволюция образа врага периода «холодной войны» в советском кинематографе: дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2009. 235 с.

3. Корячкина А.В. Англоязычный художественный кинодискурс и потенциал его интерпретативно-коммуникативного перевода: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2017. 25 с.

4. Бакшеева М.Г., Исламова Ю.В., Карабулатова И.С. Вербальные топонимические ассоциации (особенности восприятия гидронима Манья русским и коренным населением Югры) // Вестник угроведения. 2019. Т. 9, № 4. С. 607-613.

5. Ватолина Т.Г. Стратегии коммуникативного поведения персонажей в ситуации «Межличностный конфликт» в англоязычном кинодискурсе // Концепт. 2015. № 8. С. 1-6.

6. Духовная Т.В. Субтитры как элемент кинодискурса: лингвистический и паралингвистический аспекты: дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2018. 215 с.

7. Зайченко С.С. Семиотико-синергетическая интерпретация особенностей организации художественного кинодискурса: на материале англоязычных художественных фильмов исторического жанра: дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2013. 206 с.

8. Зарецкая А.Н. Особенности реализации подтекста в кинодискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2010. 21 с.

9. Лотман Ю.М. Место киноискусства в механизме культуры // Об искусстве. Санкт-Петербург: Искусство-СПб., 1998. 704 с.

10. Солженицын А.И. Национальная идея – сбережение народа // Гудок. 2005. 11 июня.

11. Савчук И.П., Карабулатова И.С. Русские фольклорные легенды и легенды Югры как компонент культуры северных этносов (в контексте сбережения и передачи базовых социокультурных ценностей) // Языковая ситуация и языковые контакты в ХМАО-Югре: сб. материалов круглого стола. Ханты-Мансийск: ЮГУ, 2019. С. 74-79.

12. Гоголев П.В. Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока России: проблемы терминологической определенности // Правовое государство: теория и практика. 2014. № 3 (37). С. 64-68.

13. The Mythologization of the Abrek's Image in the Modern Caucasian Linguistic Consciousness / I.S. Karabulatova, S.A. Lyausheva, Z.R. Khachmafova // Astra Salvensis. 2018, Vol. 6, № 12. P. 737-744.

14. Карабулатова И.С., Шехи Э. Влияние имен собственных на трансформацию архетипических представлений о коронавирусе в современной мифологизированной картине мира // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. 2020. № 4. С. 54-61.

15. Бешукова Ф.Б., Хажгериева А.А. Технологии мифологизации современной рекламы: коммуникативный аспект // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. 2019. Вып. 4. С. 149-153.

16. Перцев А. Зачать под северным сиянием // Медуза. 2019. 30 декабря.

References:

1. Churokaeva V.I. The concept of cinematic discourse // Modern problems and perspective directions of innovative development of science: coll. of articles of Intern.

scient. and pract. conf., December 15, 2016, Yekaterinburg: in 8 parts. Part 6. Ufa: Aeterna, 2016. P. 200-202.

2. Kolesnikova A.G. Formation and evolution of the image of enemy during the "cold war" in the Soviet cinema: Diss. for the Cand. of History degree. Moscow, 2009. 235 pp.

3. Koryachkina A.V. English-language fictional film discourse and the potential of its interpretive and communicative translation: Diss. abstract for the Cand. of Philology degree. St. Petersburg, 2017. 25 pp.

4. Baksheeva M.G., Islamova Yu.V., Karabulatova I.S. Verbal toponymic associations (peculiarities of perception of the hydronym Manya by the Russian and indigenous population of Ugra) // Bulletin of Ugric Studies. 2019. Vol. 9, No. 4. P. 607-613.

5. Vatolina T.G. Strategies of communicative behavior of characters in the situation of "Interpersonal conflict" in the English-language film discourse // Concept. 2015. No. 8. P. 1-6.

6. Dukhovnaya T.V. Subtitles as an element of film discourse: linguistic and paralinguistic aspects: Diss. for the Cand. of Philology degree. Krasnodar, 2018. 215 pp.

7. Zaychenko S.S. Semiotic-synergetic interpretation of the peculiarities of the organization of fictional film discourse: on the material of English-language feature films of the historical genre: Diss. for the Cand. of Philology degree. Chelyabinsk, 2013. 206 pp.

8. Zaretskaya A.N. Features of the subtext in film discourse implementation: Diss. abstract for the Cand. of Philology degree. Chelyabinsk, 2010. 21 pp.

9. Lotman Yu.M. The place of cinematography in the mechanism of culture // About art. St. Petersburg: Iskusstvo-SPb., 1998. 704 pp.

10. Solzhenitsyn A.I. National idea – saving the people // Gudok. 2005. June 11.

11. Savchuk I.P., Karabulatova I.S. Russian folklore legends and legends of Yugra as a component of culture of northern ethnic groups (in the context of saving and transferring basic socio-cultural values) // Language situation and language contacts in KhMAO-Yugra: coll. of materials of the round table. Khanty-Mansiysk: YuGU, 2019. P. 74-79.

12. Gogolev P.V. Indigenous small peoples of the North, Siberia and the Far East of Russia: problems of terminological definiteness // Legal state: theory and practice. 2014. No. 3 (37). P. 64-68.

13. The Mythologization of the Abrek's Image in the Modern Caucasian Linguistic Consciousness / I.S. Karabulatova, S.A. Lyausheva, Z.R. Khachmafova // Astra Salvensis. 2018, Vol. 6, No. 12. P. 737-744.

14. Karabulatova I.S., Shekhi E. The influence of proper names on public sentiment and the transformation of archetypal ideas about coronavirus in the modern mythologized worldview // Bulletin of the Adyghe State University. Ser.: Philology and the Arts. 2020. No. 4. P. 54-61.

15. Beshukova F.B., Khazhgerieva A.A. Technologies of mythologization of modern advertising: communicative aspect // Bulletin of the Adyghe State University. Ser.: Philology and the Arts. 2019. Iss. 4. P. 149-153.

16. Pertsev A. Conceive under the Northern Lights // Medusa. 2019. December 30.